

хождение координат объекта), выделение, противопоставление, характеристику (описание).

По-новому, с учетом особенностей ономастики, А. В. Суперанская рассматривает такие явления, как омонимия, полисемия, синонимия и антонимия. Так, например, специфика омонимии собственных имен определяется их тесной связью с денотатом, а также закономерностями, вытекающими из распределения слов по лексическим полям. Если имена собственные принадлежат к разным полям (*город Бабушкин, курсант Бабушкин*), то они выступают как омонимы. Если же они принадлежат к одному полю (два человека по фамилии *Бабушкин*), то это два разных применения одного и того же слова.

Интересны наблюдения А. В. Суперанской о стилистике собственных имен. Она выделяет особые стилистические поля собственных имен внутри каждого подязыка, что позволяет выделить нормы употребления имен собственных в каждом подязыке. В основе стилистики собственных имен всех типов лежит ряд разнообразных факторов: языковых (арсенал специальных моделей для имен определенных типов; апеллятивное значение лексем, участвующих в именовании, и др.), синонимические и омонимические ряды, логические группировки и т. д. Нарушение нормы ведет к своеобразной стилистической отмеченности имени собственного.

Книга содержит, с нашей точки зрения, и ряд спорных положений. Так, касаясь проблемы способности различных частей речи быть именем собственным, автор доказал, что «быть собственным именем» — это свойство, присущее и слову и предложению (стр. 109). В то же время в книге ставится под сомнение возможность субстантивации глагольных фраз типа *На*

всякого мудреца довольно простоты, Я шагаю по Москве (стр. 112). С этим трудно согласиться. Во-первых, они выступают в предложении как самостоятельный член предложения, подобно существительным. Во-вторых, они ведут себя как неизменяемые простые собственные имена типа *Рабле, Балли*. В-третьих, *Я шагаю по Москве* как имя собственное денотирует один конкретный предмет — фильм. Для полной субстантивации совсем необязательно наличие словоизменительной и словообразовательной парадигмы.

А. В. Суперанская называет имена собственные лексической категорией, а не грамматической (стр. 105). Положение спорное само по себе. Кроме того, в работе приводятся примеры, которые свидетельствуют о стремлении имен собственных отделиться от нарицательных и грамматическими формами: *лев — львиный, по-львиному, Лев — Львов — львовский; любовь — любви, Любовь — Любви*.

Утверждение о том, что объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен, далеко не так очевидно, как кажется на первый взгляд. Если согласиться с этим мнением, то надо допустить, что человек знает все денотаты, именуемые именами собственными, т. е. допустить, что все люди входят в одно и то же социальное поле.

Книга А. В. Суперанской — нужная и своевременно изданная работа. Специалисты по ономастике получили стройную рабочую теорию собственных имен. Без преувеличения можно назвать эту работу в числе лучших по ономастике за последние годы.

В. И. Болотов, С. И. Зинин

Н. Г. Корлэтяну. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками.
— М., «Наука», 1974. 304 стр.

Автор рецензируемой книги является одним из известных специалистов-романистов нашей страны. Его перу принадлежат многочисленные труды, главным образом, по молдавскому языкознанию, опубликованные как в нашей стране, так и за рубежом. Рецензируемая книга родилась на базе спецкурса «Народная латынь», разработанного Н. Г. Корлэтяну и читаемого им в университете на протяжении более двух десятилетий.

Предметом исследования рецензируемой книги является поздняя, или народная латынь. Перед автором стояла задача показать, как после распада Римской империи продолжался процесс дифференциации разговорной латыни по террито-

риальному принципу, который привел в конечном счете к образованию романских языков.

От изданных ранее в нашей стране специальных работ по той же тематике книга Н. Г. Корлэтяну выгодно отличается тем, что ее автору удалось привлечь обширный материал восточной Романии. Когда знакомишься, например, с «Народной латынью» (1959) М. С. Гурычевой, то невольно бросается в глаза некоторая односторонность исследованного материала, ибо тут описывается эволюция языковых явлений народной латыни, как правило, в западороманских языках. У Н. Г. Корлэтяну наблюдается глобальный охват фактических данных, отражаю-

щих судьбу латыни и в западных, и особенно в восточных романских языках (так называемая балканская латынь). Автору удалось ввести в общероманский научный оборот специфические особенности восточнороманских языков в сравнительно-сопоставительном плане с западнороманскими языками и тем самым более полно и объективно осветить некоторые проблемы современной романистики. Кроме того, в книге широко проводится социолингвистический подход к явлениям народной латыни, что, безусловно, дало возможность глубоко уяснить «теоретические этапы, через которые прошла латынь до формирования нынешних романских языков» (стр. 15). Такое многоаспектное исследование народной латыни проводится в нашей стране впервые.

Рецензируемая монография состоит из двух органически связанных между собой частей: «Внешняя история народной латыни» (стр. 16—127) и «Фонетико-грамматическая система и лексический состав народной латыни» (стр. 128—246). Каждая часть распадается на соответствующие главы и параграфы.

В I главе первой части дается краткий очерк развития латинского языка и литературы. Известно, что латинский язык не являлся гомогенным. В процессе своего развития, примерно, с середины первого тысячелетия до н. э., он впитал в себя элементы из других языков Апеннинского полуострова: умбурского, оскского, этрусского, греческого и др. К 200 г. до н. э., когда Италийский полуостров находился уже под властью Рима, латинский язык постепенно ассимилировал языки и диалекты нелатинских народов полуострова. Тем не менее, латынь еще долгое время оставалась под влиянием этрусского языка и культуры. Более глубокое и продолжительное влияние на латынь оказали греческий язык, греческая литература и культура в целом. В латинском языке имеется несколько тысяч слов греческого происхождения, а также некоторые элементы парадигматического характера (стр. 27—28).

С 241 г. до н. э. по 106 г. н. э. происходят крупнейшие завоевания Рима и распространение латыни за пределами Италии. В книге дается подробный исторический очерк дако-римских войн и покорения Дакии в 106 г. н. э. Романизация завоеванных территорий проходила неравномерно и завершилась неодновременно. Процесс и характер романизации зависел от периода завоевания провинции, от степени связей с метрополией, от устойчивости римского владычества и др. (стр. 42—43).

Говоря о судьбе романизованного населения Дакии, Н. Г. Корлэтяну, пользуясь услугами археологических открытий советских и зарубежных ученых в последние годы, поддерживает точку зрения, согласно которой большая часть местного

населения Дакии не покинула свои родные края в 271 г. н. э., когда римские легионы отступили за Дунай (стр. 68—69). Местное романизованное население продолжало жить на старых местах и позже, во время нашествия гуннов на карпато-дунайские земли (IV—V вв. н. э.).

Вопреки некоторым зарубежным ученым, которые пытаются свизить значение славянского элемента в восточнороманских языках, Н. Г. Корлэтяну неоднократно подчеркивает решающую роль славянского населения, проникшего на Балканы примерно с V в. н. э., в процессе окончательного формирования восточнороманских языков (см. § 8 «О роли славян на Балканах», стр. 70—77). Экстралингвистические и лингвистические данные убедительно говорят о тесных взаимосвязях славянского и романизованного населения на территории бывшей Дакии и вообще на Балканском полуострове. Славянские народы сыграли на Балканах весьма важную роль «как в социально-политическом и культурном отношении, так и в отношении дальнейшей судьбы восточнороманских языков» (стр. 76).

Удачна II глава «Народная латынь — основа формирования романских языков» (стр. 78—103). Здесь рассматриваются такие важные и во многом спорные вопросы, как: термин «народная латынь», периодизация народной латыни, проблема формирования и генетическая классификация романских языков. Автор считает, что народная латынь — это народно-разговорный аспект латинского языка вообще, его живой вариант, находившийся постоянно в эволюционном движении. Эту латынь можно было услышать на рынках, в мастерских ремесленников (*sermo vulgaris*), в деревнях (*sermo rusticus*), среди солдат (*sermo militaris*), в семье и в общении со слугами (*sermo cotidianus* или *consuetudo*) и т. д. Народная латынь отражена в памятниках латинского языка с древнего периода и вплоть до VII—VIII вв. н. э., т. е. до появления современных романских языков (стр. 79).

В истории народной латыни Н. Г. Корлэтяну различает пять периодов¹: первый — это период проникновения латинского языка в язык соседних с Лацием италийских народов (III—IV вв. до н. э.); второй — период распространения латыни на всей территории Италийского полуострова; третий — период распространения народной латыни в римских провинциях (до 14 г. н. э. — смерть императора Августа); четвертый — период ощутимого изменения народной латыни в отношении фонетики, грамматики, лексики и фразео-

¹ Несколькo иную периодизацию дает О. А. Домбровский в статье «К вопросу о периодизации вулгарной латыни» («Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков», II, Минск, 1970. стр. 3—14).

логии (до падения Западной Римской империи — 476 г. н. э.); пятый — период приобретения народной латынью самостоятельного характера и своих особенностей в каждой провинции (с 476 г. до VI—VII вв. н. э.). Дается краткая характеристика каждого периода (стр. 84—88).

В специальном параграфе (§ 9) предпринимается критический разбор существующих теорий образования романских языков: теория субстрата (Г. Шухардта, Г. Асколи и др.), хронологическая теория (Г. Гребера, К. Гренджента и др.), диалектная теория (Ф. Моля и др. Автор резонно полагает, что в проблеме формирования романских языков следует особенно выделить значение распада Римской империи как главного фактора самостоятельного развития определенных диалектов и превращения их в самостоятельные романские языки (стр. 91). Кроме того, в Западной Романии значительную роль в развитии своеобразного, самобытного пути романских языков сыграли германские (в меньшей степени арабские) языки, а в Восточной Романии характерные языковые черты развились во многом под воздействием славянских языков (стр. 92).

II глава завершается параграфом о генетической классификации романских языков. Проанализировав существующие классификации этих языков, начиная от Данте и кончая нашими днями, Н. Г. Корлятану пришел к выводу, что при попытке дать достоверную генетическую классификацию романских языков исследователь обязан иметь в виду не только интралингвистические факторы структурно-грамматического порядка, но и социальнополитические, экстралингвистические факторы, которые, безусловно, имеют огромное значение в распределении современных романских языков» (стр. 96). Отталкиваясь от такой постановки вопроса, автор книги признает существование 14 романских языков. Они разделяются на две большие группы: западнороманские и восточнороманские языки. Западнороманские подразделяются на три подгруппы: иберо-романская подгруппа (португальский, испанский и каталанский), галло-романская подгруппа (французский и провансальский) и итало-романская подгруппа (итальянский, сардинский, ретороманский). Восточнороманские языки распадаются на южнодаунские (далматский, истриотский, мегленитский и арумьнский) и северодунайские (молдавский и румынский).

В книге проводится сжатый, но содержательный лингвистический анализ источников народной латыни (стр. 104—124). Известно, что не существует ни одного памятника языка, написанного целиком и полностью на народной латыни. Все считали, что пишут на литературном

языке, однако по разным причинам в произведении писателей (сатириков, эпиграммистов, комедиографов) проникали народноразговорные элементы. В этой связи особое место отводится разбору латинских грамматик, в которых их авторы весьма часто упоминают о различии между литературной и народной латынью.

Немаловажное значение для изучения народной латыни имеет небольшая тетрадь-приложение к грамматике «Основы наук» (*Instituta artium* — IV в. н. э.), автором которой ошибочно считается Валерий Проб. В данной тетрадке, известной под названием «*Appendix Probi*», содержится 227 примеров с отклонениями от фонетических и грамматических норм литературной латыни (например, *Vetus non veclus, probavimus non probaimus* и т. д.).

Содержательна и вторая часть книги. В I главе этой части подробно описываются некоторые особенности фонетической системы народной латыни: ударение, консонантизм — вокализм и др. (стр. 128—160).

Во II главе рассматриваются различные аспекты морфологической структуры народной латыни по частям речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, предлог (стр. 161—200). В III главе исследуются некоторые синтаксические особенности народной латыни. Выявляется ряд специфических черт, касающихся синтаксиса простого и сложного предложений (стр. 218—221).

Хочется отметить как весьма положительный тот факт, что эволюцию отдельных грамматических форм в народной латыни Н. Г. Корлятану объясняет порой взаимодействием факторов внутрилингвистического и экстралингвистического (социального) характера. Например, древний латинский вокатив на *-e* (типа лат. *amice, lupe*) не унаследован западнороманскими языками, но широко употребляется в восточнороманских языках (молдавском, румынском, мегленитском) в результате влияния славянских языков², тесно соприкасавшихся на протяжении долгих веков с романизованным населением Дакии и всего Балканского полуострова (стр. 169).

IV глава целиком посвящена характеристике народнолатинской лексики (стр. 222—247). Н. Г. Корлятану отмечает, что в народной латыни происходила лексическая дифференциация в зависимости от территориального расположения и других особенностей каждой провинции Римской империи.

² Подробнее об этом см.: N. K o r l ä t e a n u, *Asupra interacțiunii lingvistice romano-slave, «Actele celui de al XII-lea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică», II, București, 1971, стр. 1046.*

В «Заключении» (стр. 247—258), помимо общих выводов по всей работе, высказываются также и соображения о проблеме диалектности народной латыни. Основная мысль та, что многочисленные и пестрые по языковому составу народы, входящие в Римскую империю, после распада последней, стали ускоренными темпами отходить от единой языковой нормы, продиктованной римскими завоевателями. Несмотря на то, что все эти народы были романизованными, в их повседневной латинской речи наблюдались существенные различия, которые могут быть названы территориальными или диалектальными. Именно эти языковые особенности, а также контакты с мигрирующими народами сыграли решающую роль в самом процессе образования романских языков.

Рецензируемая монография завершается списком принятых сокращений, богатой научной библиографией (свыше 261 наименований), обширным указателем слов (на 24 страницах), указателем имен и комментариями к иллюстрациям.

Давая общую оценку книги, необходимо упомянуть и тот факт, что она написана интересно, ее автор зачастую прибегает к уместным отступлениям, цитируя остроумные изречения античных авторов, а также стихи Овидия, Петрония, Лукреция Кара, Байрона, Пушкина, Эминеску и др., что, бесспорно, оживляет чтение. При внимательном знакомстве с книгой можно заметить местами и некоторые упущения.

На страницах монографии порой встречаются неточности терминологического порядка. Так, в тексте книги на стр. 97—101 говорится о трех подгруппах западнороманских языков: иберо-романской, галло-романской и итало-романской. Однако, спустя две страницы, на сводной схеме классификации романских языков, эти же подгруппы именуются уже группами: иберо-романская группа, галло-романская группа и итало-романская группа (см. стр. 103). Вполне очевидно, что указанные разновидности романских языков следует признать подгруппами.

В этой связи можно отметить также, что выделение автором 14 романских языков и манера их классифицировать вряд ли могут считаться бесспорными. В литературе вопроса встречаются и другие мнения по поводу количества романских языков и способа их классификации. С этими мнениями нельзя не считаться при попытке выработать новую, свою классификацию.

Думается, что предложенная в книге классификация романских языков основывается главным образом на фонетических и морфологических данных. Однако, если учесть и синтаксические показатели, то в эту классификацию можно было бы ввести ряд поправок, поскольку «синтак-

сические тенденции родственных языков могут развиваться иначе, чем тенденции морфологические и фонетические»³. Понятно, таким образом, почему «синтаксическая группировка родственных языков обычно оказывается шире группировки фонетико-морфологической»⁴.

На стр. 45 автор пишет, что дако-гетский язык «совершенно исчез в северных областях Дуная в VI веке», а чуть дальше, на стр. 46, читаем, что «вся территория Римской империи, кроме Греции и Малой Азии, была романизована к IV веку н. э.». Трудно допустить, что дако-гетский язык, носители которого «были распроданы римлянами в рабство» (стр. 40), а по словам римского историка Флавия Евтропия «население Дакии было истреблено, особенно мужское население», смог продержаться до VI в. н. э. Очевидно, логичнее было бы предположить, что дакогетский язык исчез в северных областях Дуная на много раньше VI в. Некоторые исследователи прямо утверждают, что «в VI в. о даках сохранилась только память. Дакия была заселена романским населением, которое разговаривало на латыни: не на латыни Пезария и Цицерона, а на живой, преобразованной, обогащенной определенными дакскими элементами, народной латыни»⁵. Как бы там ни было, но дако-гетский язык никак не мог сохраниться до VI в. н. э., как предполагается в рецензируемой работе.

В этой связи можно заметить и следующее. Разбирая те факторы, которые способствовали ускорению процесса романизации (в частности, населения Дакии), автором упускается из поля зрения вопрос о генетическом смешении местного населения с завоевателями. Если иметь в виду, что Дакия находилась в составе Римской империи около 170 лет и что размещение на ее территории римских колонистов стало обычным явлением, то можно с уверенностью предположить вынужденное генетическое смешение дакийцев. Такое смешение вряд ли целесообразно не принимать в расчет при трактовке проблемы романизации.

В книге разделяется точка зрения некоторых ученых, согласно которой синтаксис романских языков «приближается скорее к германскому или новогреческому типу» (стр. 204). К сожалению, это положение не разъясняется, и читатель остается не убежденным в правоте высказанного тезиса. Можно привести немало доводов в пользу того, что синтаксис романских языков имеет свою специфику,

³ Р. А. Будагов, Язык, история и современность, М., 1971, стр. 244.

⁴ Там же, стр. 245.

⁵ H. Daicoviciu, Dacia, Viscu-reşti, 1965, стр. 249.

которая явно отличает его от синтаксиса германского или новогреческого языков⁶. Больше того, известно, что между собой романские языки по-разному «сходятся» и «расходятся» на различных уровнях. Р. А. Будагов, например, поддерживает мнение И. Йордана, что такой язык, как румынский, «по своему строю (фонетике и морфологии) ближе к итальянскому, чем к испанскому, а в синтаксическом и лексическом планах румынский тяготеет к французскому и значительно меньше к испанскому»⁷.

Уместно добавить, что, например, в плане выражения отправной точки сообщения при помощи личных и других местоимений восточнороманские языки приближаются к итальянскому и существенно отходят от французского. Таким образом, вряд ли можно судить en bloc о «приближении» синтаксиса романских языков к германскому или новогреческому типу.

Автор монографии полагает, что появление в народной латыни «усиленного отрицания» (т. е. использование двух отрицательных слов вместо одного) следует объяснить тенденцией к избыточности этого языка (стр. 215—216).

⁶ См.: «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности», М., 1972, стр. 337—403.

⁷ Р. А. Будагов, Понятие архаичности языка в романской лингвистике, сб. «Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского». М., 1973, стр. 204.

Получается, таким образом, что классическая латынь была более «экономна», а народная латынь менее «экономна» в плане выражения отрицания. Такая постановка вопроса представляется спорной. Дело в том, что каждый язык располагает своими специфическими средствами передачи одних и тех же грамматических категорий. Тот факт, что к концу Римской империи общепотребительны стали обороты типа *non respondet nihil* «ничего не отвечает», *non vidi neminem* «я не видел никого» и др., еще не говорит о том, что в народной латыни «ясно выступает тенденция к избыточности» (стр. 215). Появление новых средств для выражения усиленного отрицания объясняется, очевидно, тем, что в живом языке возникла необходимость в новых и своеобразных приемах передачи дифференцированной негативной информации, вызванных потребностью самой коммуникации.

Отмеченные нами отдельные мелкие недочеты и упущения ни в коей мере не снижают важности и ценности незаурядного труда Н. Г. Корлэтяну. Широкая аргументация, богатый фактический материал, интересная, порой своеобразная и оригинальная интерпретация трудных, еще до конца не решенных в романском языкознании вопросов, вдумчивое и логичное изложение материала — все это придает книге строго научный характер и вместе с тем доступность. Работа написана в духе лучших отечественных традиций в области классической филологии.

А. И. Чобанц